

Fotieva, Irina Valerievna

*Altai State University,
Barnaul, Russian Federation*

Фотиева Ирина Валерьевна

*Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

**THE MYTHOLOGY
OF SOCIALIST REALISM:
A POLITICIZED CONSTRUCTION
OR A RETURN TO THE ORIGINS?**

МИФОЛОГИЯ

СОЦРЕАЛИЗМА:

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ

КОНСТРУКЦИЯ —

ИЛИ ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ?

DOI 10.46748/ARTEURAS.2022.01.017

УДК 130.2:7.067

Научная статья / Original article

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются различные точки зрения на мифологию как таковую и на мифологический комплекс, лежащий в основании направления социалистического реализма в изобразительном искусстве. Утверждается, что квазирелигиозный характер доктрины социализма породил множество пересечений с мифологиями древних культур в представлениях о борьбе добра и зла и наступлении «золотого века» (светлого будущего); в образах героев и богов. При этом подчеркивается, что эти образы и представления, как и древняя мифология в целом, сегодня получают новое истолкование как отражение неких бытийных закономерностей, в связи с уходом от узко-материалистической картины мира. Соответственно, утверждается конструктивный и жизнеутверждающий характер лучших произведений, созданных в направлении социалистического реализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифология, живопись, изобразительное искусство, соцреализм, постмодернизм.

ABSTRACT

The article analyzes different points of view on mythology as such and on the mythological complex underlying the direction of socialist realism in the visual arts. It is argued that the quasi-religious nature of the doctrine of socialism gave rise to many intersections with the mythologies of ancient cultures in ideas about the struggle between good and evil and the onset of the “golden age” (bright future); in the images of heroes and gods. At the same time, it is emphasized that these images and ideas, as well as ancient mythology as a whole, today receive a new interpretation as a reflection of certain existential patterns, in connection with the departure from the narrowly materialistic picture of the world. Accordingly, the constructive and life-affirming nature of the best works created in the direction of socialist realism is affirmed.

KEYWORDS: mythology, painting, fine art, socialist realism, postmodernism.

Введение

Предлагаемая статья в большой степени является откликом на статью Л.А. Закса («Мифология forever. Универсальное/вечное и конкретно-историческое в мифологизме искусства соцреализма» [4]), опубликованную в этом выпуске журнала. Сразу скажем, что она приятно удивила своей философской направленностью (что нечасто можно увидеть в искусствоведческом издании) и серьезным подходом. В то же время статья вызвала целый ряд вопросов и размышлений, выводы из которых во многом оказались несходными с выводами автора. Таким образом, целью нашей статьи также является анализ мифологии направления соцреализма; в качестве же методов использованы сравнительно-сопоставительный анализ, элементы историко-генетического и культурологического анализа.

Обсуждение

Сначала необходимо коснуться мифологии как таковой, — хотя бы вкратце, учитывая искусствоведческую, а не философскую и не религиоведческую направленность журнала. Напомним основные тезисы автора. Итак, мифология — это «...способ (форма) целостной репрезентации реальности, носящей... спонтанно-бессознательный характер». Она обусловлена тем, что сознание всегда стремится выстроить целостную картину мира, упорядочить поступающий поток информации, заполнить информационные лакуны путем априорного принятия неких *базовых оснований*, аксиом. «Это в равной мере относится к Богу и скорости света, вечности материи и бессмертию души, романтическому «царству идеала» и коммунизму, существованию ценностных полюсов в мире (добро — зло; справедливость — несправедливость; красота — безобразное и т.п.)» [цит. соч.].

Но наряду с этим «...в истории рождаются и внедряются в массовое сознание мифы другого рода: мифы идеологии как выражающего определенные социально-политические интересы иллюзорного, “ложного” (К. Маркс) сознания... Вроде мифов о государстве всеобщего благоденствия, обществе равных возможностей или о советской системе как высшей формы народовластия» [цит. соч.]. Таким образом, автор различает *подлинную* и *ложную* мифологию (или, далее, по его терминологии, «здоровую» и «нездоровую»). Главным критерием «нездоровой», по автору, видимо является ее политико-идеологическая обусловленность.

Мы солидарны в проведении демаркационной линии между подлинной и ложной мифологией. Но проблема критериев всё же остается. Если, скажем, древние мифологии считать «здоровыми», подлинными, то, видимо, потому что у них другие истоки. Но какие именно? Почему их можно считать «здоровыми»?

Как известно, мифологией занимались не только религиоведы, но и философы, антропологи, психологи и т.д. Соответственно, на поставленный вопрос существует множество различных ответов. Истоки мифологических представлений искали и в попытках древнего человека как-то объяснить мир (Э. Лэнг, Э.Б. Тайлор и др.), и в «болезни языка» (М. Мюллер), и в структурах сознания (К. Леви-Стросс), и в бессознательном (Д. Кэмпбелл, К.-Г. Юнг) и т.д. Но, предельно упрощая, все теории мифа можно разделить на две группы — назовем их (очень условно) «материалистическими» и «религиозно-идеалистическими». Не вдаваясь в подробности, сразу перейдем ко второй группе. Не только потому, что этот подход более эвристичен — к чему мы ниже еще вернемся, — но и потому, что он позволяет нам, хотя бы в первом приближении, очертить искомый критерий подлинности того или иного мифа.

Согласно представителям этой группы, базовые мифологические представления и образы, близкие для многих культур и эпох, являются результатом особой формы познания мира, которую обобщенно можно назвать *трансцендентным опытом*. Поэтому они отнюдь не произвольны и не субъективны — а отражают некие *бытийные (мета-физические) структуры и закономерности*.

Эту точку зрения развивал, например, целый ряд русских философов рубежа XIX–XX веков. Так, С.Н. Булгаков пишет, что в мифе выражается «откровение трансцендентного высшего мира... он есть те письмена, которыми этот мир начертывается в имманентном сознании; его проекция в образах» [3, с. 57]. «Миф изображает сверхприродное в природном, сверхчувственное в чувственном... Миф символически связывает два мира» [2, с. 50]. Символ — это не условное обозначение, а сам язык мифа, что подчеркивали и Н.О. Лосский, и П.А. Флоренский, и другие авторы; это «окно» в самую трансцендентную реальность. В религиоведении на близких позициях стояли многие представители феноменологического направления — Р. Отто, М. Элиаде, Й. Вах. Последний подчеркивал: «Религиозный опыт является ответом на то, что переживается нами как предельная реальность (Ultimate Reality); это означает, что в религиозном опыте мы реагируем не на какое-либо единичное или конечное явление, материальное или нематериальное, а на то, что определяет и обуславливает все моменты, конституирующие мир нашего опыта» [цит. по: 9, с. 499–500].

Насколько правомерна такая позиция «в эпоху господствующего материализма»? На самом деле этому господству явно приходит конец. С одной стороны, усиливаются критические тенденции в естествознании, недавнем «бастионе материализма» — начиная с радикального пересмотра

представлений о самой «материи» и, в целом, о реальности, о чем, с разных сторон, писал целый ряд всемирно известных авторов: В. Гейзенберг, Д. Бом, Ф. Капра, Дж. Джинс и др. Известный отечественный исследователь В.В. Казютинский, развивая идеи Р. Пенроуза, прямо говорил о необходимости расширить рамки значения слова «существование», включив в него, в частности, математические формы [5]. С другой стороны, продолжает активную работу школа Е.А. Торчинова, одного из самых крупных исследователей трансцендентного опыта [6], утверждавшего его когнитивную значимость; с третьей стороны, в последние десятилетия наблюдается ренессанс теологических исследований, совсем недавно считавшихся маргинальными в среде профессиональных философов [см. напр. 1; 7; 8; 9].

Таким образом, повторим, сегодня есть все основания полагать, что источником древних мифологических представлений является метаприродная реальность, постигаемая в особом трансцендентном опыте. Такой подход, как уже сказано, и позволяет говорить о **критерии подлинной и ложной мифологии. Первая — трансцендентно обусловлена; вторая — социально/политически/идеологически.**

А это, в свою очередь, означает, что основные мифологические представления и образы древних культур — начиная с космогонических («мировое яйцо» и др., на которых мы останавливаться не будем) и заканчивая их этико-социальными и этико-психологическими проекциями: **борьба Добра и зла**, а отсюда — образы богов и героев, идеалы самоотвержения, энтузиазма и общего блага, представления о золотом веке (образ идеального государства) и т. д. — это преломления в индивидуальном и коллективном сознании **реальных дихотомий и законов самого Бытия.**

***

Теперь перейдем к «мифологии социализма» и к ее трактовке уважаемым Л.А. Заксом. В статье автор, с одной стороны, справедливо отмечает, что радикальность задач социализма «...определила возрождение базовых, ключевых мифологических структур мирозидания, героической борьбы, одоления врагов и сопротивления природных сил, преодоления трудностей, препятствий, пределов собственных возможностей» [цит. соч.]. То есть — подчеркнем — именно *подлинных* паттернов, моральных ценностей и установок.

Но затем социализм, в силу «техно-технологической оптики» (по выражению автора), а также «доминанты идеологии» всё более порождал «...схематичное, подчиненное визуальному канону мифотворчество. <...> В результате мифологизм “здоровый” (модернистский)

в соцреализме соединяется, дополняется, опосредуется и, в сущности, извращается мифологизмом “нездоровым”, политико-идеологическим, тоталитарным» [цит. соч.].

Не будем задаваться резонным вопросом, почему здоровый мифологизм здесь отождествляется именно с модернистским. Важнее другое: в чем автор видит ложность, «нездоровость» социалистической мифологии?

Это, по его мнению, во-первых, «запрос на безусловные и всемогущие высшие инстанции», которыми стали партия и ее вожди. Во-вторых, «смысловой основой тоталитарного художественного мифологизма стали религиозно-идеологические ценностные абсолюты: идеал коммунизма и борьбы за него, примата общественного над личным (советский коллективизм и отрицание “индивидуализма”), абстракция свободы как осознанной необходимости и абсолютность этой последней (дисциплины, самоотречения, примата воли партии над индивидуальными волями ее “борцов”» [цит. соч.].

Но обратим внимание: большая часть того, о чем пишет автор, — это, конечно, схематизированные, но тем не менее преломления именно древних, то есть *подлинных* мифологических символов и представлений — причем, не только с нашей позиции, но и, как выше было показано, с позиции самого автора. Не случайно же он писал о «возрождении базовых, ключевых мифологических структур мирозидания» в социализме?

Можно было бы предположить, что автор имеет в виду именно искажения этих древнейших символов. Но далее в статье это предположение не находит подтверждения. Так, Л.А. Закс сопоставляет мифологические установки социализма с «мифом о Христе» и, соответственно, с идеей постепенного приближения реальности к идеалу. При этом, по его мнению, соцреализм был изначально противоречив: «...требовал соединить сущее и будто бы осуществленное, должное; реализм, классицизм и романтизм; науку и религию (свою). И это рождает фундаментальную проблему для сознания. Логически не решаемую» [цит. соч.].

Но даже во вполне материалистической исторической науке многие исследователи убеждены, что и личность, и проповедь Христа — отнюдь не миф. Более того, по мере чтения статьи всё более ускользает авторское понимание подлинной, «здоровой» мифологии. Получается, что это уже и не древняя мифология, — хотя бы потому, что здесь *идеалы*, судя по всему, интерпретируются как сугубо *субъективные порождения*. Именно поэтому автор видит противоречие в стремлении приблизить реальность к идеалу. «Как нужен был миф о Христе для соединения земного и небесного, идеала и реальности, признания

и антиплатоническая установка, но и, похоже, тяготение к постмодернистским идеям. Но если пойти до логического конца, то надо отрицать не только идеалы, но и любые базовые и незыблемые ценности и регулятивы, а также истину, рациональность, науку, образование, как того и требует постмодернизм. И уж, разумеется, не проводить никакого различия между «здоровой» и «нездоровой» мифологией.

Отметим в связи с этим, что постмодернизм давно подвергнут аргументированной критике по всем параметрам, на чем мы не будем останавливаться. Кроме того, повторим еще раз: господство узкоматериалистических науки и философии — просуществовавшее очень краткое время по историческим меркам! — рухнет на наших глазах. Да, социализм является квазирелигиозной доктриной, о чем уже многократно говорилось. И в этом, на наш взгляд, сила, а не слабость данной доктрины. Разумеется, на практике она подверглась и упрощению, и искажению, особенно в печально известные предвоенный и послевоенный периоды репрессий. Ни в коей мере не следует идеализировать социалистическое прошлое, закрывать глаза на темные пятна, которых хватало в нашей недавней истории. Но почему критики не берут во внимание, во-первых, совершенно реальные и впечатляющие достижения советского периода? Вспомним общеизвестные вещи: социальные гарантии; мощнейшее финансирование науки; лучшее в мире бесплатное и массовое образование (которое, кстати, перенимали многие самые престижные западные школы). Наконец, утверждаемые в обществе, культуре, образовании высокие нравственные идеалы, которые власти — даже вопреки своему невысокому моральному уровню — обязаны были проводить в жизнь. Что, кстати, и создавало в обществе несравненно более здоровый климат, чем сегодня.

Наконец, традиционно критикуя «советский тоталитаризм», автор ни слова не говорит о *предельно ложной мифологии «демократических» обществ*, где сама демократия — уже стопроцентный миф; а «права человека» превратились в «права» ЛГБТ и «афроамериканцев» — с откровенным подавлением интересов инакомыслящих. Но об этом уже столько сказано и написано, что не будем повторяться. Повторим еще раз главный вывод: утверждая разграничение «здоровой» и «нездоровой» мифологии, автор сам впал в противоречие. Если древние мифологии «здоровы», то так же здорова — подлинна — и мифология социализма, и это здоровое ядро в ней сохранялось несмотря на все искажения. И это хорошо видно на примере искусства, в частности направления соцреализма.

1. Гелий Коржев.
Гомер (Рабочая студия).
Левая часть триптиха
«Коммунисты».
 1960.
 Холст, масло.
 290 x 140.
 Государственный
 Русский музей.
 Источник: ruseumvrm.ru

греховности рода людского и возможности спасения, так оказался нужен и соцреалистический миф о реальности земного воплощения “здесь и сейчас” коммунистического идеала или хотя бы отдельных его “крупниц” [цит. соч.].

Таким образом, явно противоречива позиция автора по отношению к мировоззренческому основанию его рассуждений. Во второй части статьи налицо не только принципиально антирелигиозная

2. **А.А. Дейнека.**
Будущие летчики.

1938.

Холст, масло.

160 x 131,5.

Государственная

Третьяковская галерея.

Источник: tretyakovgallery.ru

***

Перейдем теперь к оценке автором искусства соцреализма. С одной стороны, он верно отмечает, что «несмотря на внутренние ограничения в рамках идеологически заданной семантики соцреализма сохраняется достаточное художественное многообразие» [цит. соч.].

Но здесь снова возникает вопрос: разве «идеологические ограничения» — всегда зло? Если идеология была пронизана подлинной мифологией, то наряду с действительно неуместными и вредными были и совершенно верные рамки, —

именно порожденные классическими бытийными дихотомиями: *добро — зло; красота — безобразие, истина — ложь*. «Неограниченная свобода творчества», которую любят утверждать либеральные художники и критики, есть не что иное как хаос. Причем не Хаос в мифологическом и философском смысле — как неформленные первозданные энергии, основа материи, сфера приложения творческих сил, — а *антропогенный хаос*; образно говоря, «хаос помойки». Повторим еще раз: мир структурирован не нашими ограниченными человеческими сознаниями; он структурирован изначально. И именно

3. М.А. Савицкий.

Партизанская мадонна.

1967.

Холст, масло.

190 x 170.

Государственная

Третьяковская галерея.

Источник: tretyakovgallery.ru

древнейшие идеи о полярности бытия, о противоположности добра и зла, истины и лжи, красоты и безобразия — отражают эти глубинные векторы поляризации бытия. Поэтому **ограничения и самоограничения — неотъемлемый компонент любого подлинного искусства**, к которому в первую очередь относится искусство религиозное.

Далее в статье автор анализирует период оттепели и его отражение в живописи советских мастеров. По его мнению, здесь, хотя и с сохранившимися идейными рамками, произошло «...устранение социально-ритуальной мертвечины, откровенного вранья о реальности и “фанфар” (ставшего враньем пафоса, приторно-сахарного

приукрашивания и восхваления социалистической реальности); кроме того, «сверхчеловеки вновь стали “человеками”... героизм обрел земную размерность и трагическую содержательность, причем герой в своей борьбе мог не только победить, но и проиграть, в чем-то оказаться слабым, внутренне противоречивым и уязвимым, а его величие стало более соразмерным обычным людям, более земным и теплым» [цит. соч.].

Снова отчасти согласимся с автором. Но показательно, что для него и эти позитивные изменения — малоубедительны: «...новая социально-психологическая содержательность образов типичных соцреалистических героев не отменила, а лишь модифицировала мифологический характер самой художественно-образной “ткани” этих картин» [цит. соч.].

Получается, что, по мнению автора, «социалистические мифы» практически перечеркивают всё позитивное в художественном произведении. Так, например, «...портрет художника Евгения Гудина работы Е. Широкова, воплощающий архетипический миф творца как возвышенного героя — большого внешне и внутренне человека, ведомого любовью к жизни и людям и исполненного сознанием своей высокой миссии», — упоминается с явной долей скепсиса.

Но напомним, что множество искусствоведов с такой позицией не согласятся, так как, по их мнению, важен прежде всего *художественный уровень картины*. Критиковать произведение лишь за выраженность в нем определенного мировидения автора — по меньшей мере не соответствует задачам искусствоведения. Более того, в весьма близкие сюжеты и образы разные художники, как известно, посредством массы выразительных приемов вкладывают совершенно разные смыслы, и верно прочесть их — дело искусствоведа-профессионала.

Правда, отметим, что и этот подход нуждается в дополнении. Можно весьма талантливо, — более того, *художественно «заразительно»* (по выражению Толстого) — изобразить откровенное зло. Поэтому важны всё же именно подлинные мировоззренческие установки художника, где на первом месте стоит *нравственность*. В идеале же художник должен прозревать те самые глубинные основы Бытия, которые и отражаются в подлинной мифологии.

Но судя по всему, автор анализируемой статьи с этим как раз не согласен. Не случайно, в противоположность предыдущему примеру, в статье говорится об автопортрете М. Брусиловского («В мастерской»), который трактуется как «...демонстративное отталкивание от романтической мифологизации художника, через интимизацию, одомашнивание, “снижение” автообраза

и самоиронию освобождающего место для другого, не менее ценного мифа: о художнике — земном, бытовом человеке, художнике — частице обыденной жизни, посредством связи с ней, однако, укорененном в Бытии» [цит. соч.].

То есть, если следовать мысли автора, укореняет в Бытии не высокое, героическое, духовное начало (которое является, по автору, «нездоровой мифологией»), а приземленное, бытовое, «само-ироническое».

Соответственно, и конец статьи снова вызывает недоумение и обнажает противоречивость позиции автора. Выделяя (и как бы неявно одобряя) направления новой постсоветской мифологии, он относит сюда и обращение к античным мифологическим сюжетам; и к архаике, и к древней космогонии. И одновременно с этим — «“кафкианский” миф об отчуждении от мира и других людей, обезличенности/деперсонификации человека, распаде социальных связей и даже более фундаментальных причинно-следственных, что ведет к абсурду»; «свободное от советского наследия искусство постмодернистское, концептуалистское, “актуальное”, работающее с новой реальностью посредством нового языка арт-объектов, инсталляций» [цит. соч.].

Но, повторим, критикуемая «мифология социализма» как раз во многом пересекается с архаикой, античностью, космогоническими мифами. И разве все это самым радикальным образом не противоречит «кафкианскому мифу» и постмодернистским «исканиям»?

Из этого перечня возникает впечатление, что автор либо уже забыл про заданное вначале противопоставление здоровой и нездоровой мифологии, либо в этом делении стоял не на философской и/или научной позиции, а на позиции вполне идеологизированной; позиции либерала-западника сегодняшнего толка.

Заключение

Думается, что отмеченные выше противоречия объясняются как раз идейной ангажированностью, которую по отношению к себе почему-то всегда отрицают сторонники либералистских доктрин. К сожалению, в таких случаях чаще всего упускаются из виду два основных момента. Во-первых, без идеологии не существует ни одно общество, и это общеизвестно. Поэтому либеральные критики идеологии как таковой, — даже будучи профессионально грамотными и талантливыми, — тем не менее подвержены ей в полной мере. А именно: идеологии и, соответственно, мифологии либерализма современного толка, которая имеет целый ряд исходных образов, клише и установок. Во-вторых, уже множеством исследователей признано, что именно либералистская идеология на сегодняшний день стала наиболее политизированной, ложно-мифологической и противоречащей всему опыту человечества.

По-видимому, в искусствоведческом анализе следует либо вообще отказаться от оценки идейной составляющей того или иного произведения — что вполне законно, хотя и сужает горизонт исследования. Либо же внимательно следить за тем, чтобы в оценке идейного наполнения произведения соблюдалась максимальная взвешенность и научность, учитывая сложность проблемы и наличие разных точек зрения.

Литература

1. Аналитический теист: антология Алвина Платинги / сост. Дж.Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин М.: Языки славянской культуры, 2014. 568 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Закс Л.А. Мифология forever. Универсальное/вечное и конкретно-историческое в мифологизме искусства соцреализма // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 1 (24). DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.845>.
5. Казютинский В.В. Космология, теория, реальность // Современная космология: философские горизонты. М.: ИФ РАН, 2011. С. 8–54. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/44387/ogl.shtml> (дата обращения: 18.02.2022).
6. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. 384 с.
7. Alston W. Mysticism and Perceptual Awareness of God. In: William E. Mann (Ed.). *The Blackwell Guide to the Philosophy of Religion*. Oxford: Blackwell, 2005, pp. 198–219.
8. Schönecker D. The Deliverances of Warranted Christian Belief. In: *Plantinga's 'Warranted Christian Belief': Critical Essays with a Reply by Alvin Plantinga*. Dordrecht: De Gruyter, 2015, 2015, pp. 1–40.
9. Waardenburg, J.J. *Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research*. The Hague – Paris: Mouton, 1973. Vol. 1. 742 p.

References

1. Sennett J. (comp.). *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi* [The analytic theist: an Alvin Plantinga reader]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2014. 568 p. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 479 p. (In Russian).
3. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy* [The non-evening light]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p. (In Russian).
4. Zaks L.A. Mythology forever. Universal/eternal and concrete-historical in the mythologism of the art of socialist realism // *Art of Eurasia* [Electronic journal]. 2022. No. 1 (24). DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.845> (In Russian).
5. Kazyutinsky V.V. Kosmologiya, teoriya, real'nost' [Cosmology, theory, reality]. *Sovremennaya kosmologiya: filosofskiye gorizonty* [Modern cosmology: philosophical horizons]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 8–54. Available at: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/44387/ogl.shtml> (accessed: 08.02.2022). (In Russian).
6. Torchinov E.A. *Religii mira: opyt zappedel'nogo. Psikhotekhnika i transpersonal'nyye sostoyaniya* [Religions of the world: Experience beyond limits. Psychotechnics and transpersonal states]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies Center, 1998. 384 p. (In Russian).
7. Alston W. Mysticism and Perceptual Awareness of God. In: William E. Mann (Ed.). *The Blackwell Guide to the Philosophy of Religion*. Oxford, Blackwell, 2005, pp. 198–219.
8. Schönecker D. The Deliverances of Warranted Christian Belief. In: *Plantinga's 'Warranted Christian Belief': Critical Essays with a Reply by Alvin Planting*. Dordrecht, De Gruyter, 2015, 2015, pp. 1–40.
9. Waardenburg, J.J. *Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research*. The Hague – Paris, Mouton, 1973. Vol. 1. 742 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Фотиева Ирина Валерьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и практики журналистики, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

ABOUT AUTHOR: Fotieva, Irina Valerievna — D. Sc. (Philosophy), Docent, Department of theory and practice of journalism, Professor, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

Для цитирования | For citation:

Фотиева И.В. Мифология соцреализма: политизированная конструкция — или возврат к истокам? // *Искусство Евразии* [Электронный журнал]. 2022. № 1 (24). С. 182–191. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.017>
URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/846>

Fotieva I.V. *The mythology of socialist realism: a politicized construction or a return to the origins? Iskusstvo Evrazii — The Art of Eurasia*, 2022, No. 1 (24), pp. 182–191. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.017>. Available at: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/846> (In Russian).